

Людмила Ханаева ^{ЛХ}



Душа торопится сказать...

От автора

Когда я была совсем маленькой девочкой, то мечтала, что у меня будет много-много книг. Я даже мысленно определяла цифру - сто.

Конечно же, эта наивная мечта сбылась. Уже в первом моем небольшом доме, который состоял всего из девяти квадратных метров, они занимали почетное место. Но то, что я сама буду когда-нибудь принимать участие в их создании или же писать свои - этого моя детская фантазия не могла предвидеть!!!

Уважаемый читатель, я с удовольствием выношу на твой суд свою новую книгу, третью по счету. В ней представлена и поэзия, и проза. Буду рада, если ты, взяв ее в руки, захочешь познакомиться с творческой работой беспокойной души.

Приятного чтения!

Амулеты из слов Людмилы Ханаевой

Дорогой читатель! Уверяю, что Вы начали читать интересную книгу. В нее включены стихотворения для взрослых и детей, загадки и рассказы. Я думаю, что Вы обязательно отыщете для себя какую-нибудь изюминку, найдете то, что понравится и останется в памяти. «Душа торопится сказать...». Так Людмила Ханаева назвала свой третий сборник. Известно, что душа человека творческого распахнута всем ветрам Вселенной. Она более восприимчива к жизненным катаклизмам. Подтверждение этому можно найти уже в первых стихотворениях «Мы в новый век торжественно вошли...», «Кровоточат раны на моей планете...», «Уже давно понять пытаюсь я...»

Кровоточат раны на моей планете,

Женщины рыдают, и боятся дети,

Старики седеют от большого горя –

Как ужасна все же невинных доля! –

такие простейшие, но проникающие в сердце слова находит автор, чтобы выразить последствия жестокости и порочности жизни. Войны... нищета и разруха... пустеющие деревни России... Приметы нашего дня!

Все это не приемлет душа автора! Людмила Ханаева занимает миротворческую позицию.

Созидательную и доброжелательную. И это почувствует и поймет каждый, кто прочитает

стихотворение «Во дворе снегопад...». Автор хочет, чтобы «люди вражду позабыли и зло».

Пусть нас радуют дети,

Не мучают старых болезни,

Прекратится стрельба...

Пусть мужчины нам дарят цветы,

Мы бы жили, как в сказке...

Читаю эти строчки, и во мне рождается чувство благодарности к поэту. Понимаю, что многие желания недостижимы... И в то же время знаю, что желания исполняются. Есть чудеса на свете! Дорогой читатель, с такой верой легче жить, работать и общаться с другими людьми. Вышеприведенные поэтические строчки я бы назвала амулетом. Амулет из слов, который сможет помочь в минуты безверия, разочарований, упадка духа...

К счастью, в сборнике большинство стихов созидательного характера. Автор рассказывает о своих дачных хлопотах, о творческих поисках, о любимой «хрущевке», о родных и милых сердцу местах.

Есть стихи и о женской доле («Все вроде есть! Окинет взглядом...», «Не успели вы опомниться...» и др.) Женщины испытывают грусть из-за несложившейся семейной жизни.

Одни несчастны в браке, других тяготит одиночество. Кто-то мечтает о детях, кто-то – о близком и родном... Они ждут и верят в лучшее. Примечательно в этом отношении

стихотворение «То мечтает, то мучат сомненья...». Автор раскрывает раздумья и сомнения одинокой женщины, которая никак не может решиться подать объявление о знакомстве. И – самое важное – утверждает, что живет ее героиня «с вечной верой в удачу в судьбе». Вот и снова амулет из слов!

Читаю и верю: чувство сострадания у Людмилы Ханаевой – искреннее, печаль – естественна, радость – состояние души.

Я, на время забыв про дела и заботы,
Засмотрюсь на плывущие вдаль облака,
Речку синюю, лес – за ее поворотом,
Золотую, прибрежную кромку песка...

Так, активное отношение к жизни сменяет любознательная созерцательность, благодарное отношение к окружающему миру природы. Автор отражает в своем творчестве смену времен года, отдавая предпочтение зиме. В стихотворении «На серый лес печально глядя...» описание «унылой картины» осени завершается величальными строчками:

Ну, а зима уж по-хозяйски
От всей души, одним рывком
Не пожалеет белой краски
И вдруг порадует снежком.

В одном из стихотворений Людмилы Ханаевой зима – фея, волшебница, а в этом – великодушная хозяйка.

Примечательно, что стихи для детей и загадки, помещенные в разделах «Для самых маленьких», «Для девочки Леры», «Загадки Деда Мороза» написаны простым, доступным и красивым русским языком.

Дорогой читатель, хочется отметить, что в поэтическом творчестве Людмилы Ханаевой ведущим является мотив восхождения: от грусти к радости, от боли к исцелению, от мрака к просветлению. Будьте внимательны и Вы почувствуете оптимизм и свет души автора, а также обязательно найдете амулеты из слов. Для себя!..

Для любителей прозы в сборник включены рассказы «Принцесса на горошине», «Школьный вымогатель», «Беспощадный критик», «Член семьи», «Бизон».

Раиса Куклина,
поэт, литературный критик

Поэтическая мозаика

Раздумья...

* * *

Мы в новый век торжественно вошли
У елки праздничной под звон бокалов.
Крутилась вместе с нами твердь Земли,
И снег ложился белым покрывалом.

Часы не изменили мерный ход:
Искрили звезды в сказочной одежде,
Гремел салют, и ликовал народ,
А дальше? -
Дальше все пошло, как прежде...

Недели своим ходом потекли,
Перед глазами - та же панорама,
И под ногами та же твердь Земли,
И те же речи о смиренье в Храмах.

И то же пьянство рядом, и обман,
И страсть к деньгам, и блуд...
В порочном круге -

Страх, нищета, непримиримость стран -
И наши дети в этом, наши внуки!

Мы в новый век торжественно вошли...
Но все равно питаем мы надежды -
Хотя просвета нет еще вдали
И остается пока все, как прежде!
2000г.

* * *

Кровоточат раны на моей планете,
Женщины рыдают, и боятся дети,
Старики седеют от большого горя -
Как ужасна все же невинных доля!
Правосудье «свыше», отключившись, дремлет:
Ничего, что грубо делят чью-то землю,
Чей-то кров разрушен, кто-то под прицелом -
Был бы только доллар приумножен в целом.
И летят снаряды, оглушают взрывы,
И растут под небом новые могилы...

Не со мною это происходит, знаю.
Но такое чувство, что в меня стреляют,
Мои дети плачут, их ужасна доля,
Это я седею от большого горя...
1987г.

У памятника
«Воинам локальных войн» г. Сыктывкар

Проходят мимо девушки и парни...
Не видит их, не слышит их солдат.
Он голову склонив, сидит на камне -
Безрадостен его усталый взгляд.

Он, отдыхая, видно, после боя
Раздумывает: «Для чего я здесь?»
Чужое солнце, небо голубое...
А дома у него невеста есть!

Жара. Пыль на одежде и на берцах.
Раскатом - эхо гулкое в горах.
И горькое предчувствие на сердце
Не отпускает с самого утра.

Ему б не автомат сжимать руками,
А любоваться милой в тишине.
Но он, похоже, здесь навечно замер,
Чтоб навсегда остаться на войне!
2007г.

Ветеранам

Война перечеркнула разом планы -
Пункт призывной, прощанье, первый бой.
И повзрослеть пришлось Вам очень рано,
Чтоб от врага свой дом прикрыть собой.

В атаку шли в любую непогоду
Под пули, взрывы, воющий фугас.
«За Родину!» - кричал и падал кто-то,
За будущее погибал, за нас!

И снятся Вам и будут, будут сниться
(Такое не отпустит никогда!)
Друзей погибших молодые лица,
Горящие деревни, города.

И старые сильнее тревожат раны,
И чаще дум вы горестных полны...
За все поклон Вам низкий, ВЕТЕРАНЫ,
За то, что мы живем, что нет войны!
2010г.

* * *

Уже давно понять пытаюсь я,
По чьей же воле или злой затее
Дичает плодородная земля,
И брошенные избы сиротеют.

Заросшие тропинки и дома
Скучают без своих хозяев.
Шагает безысходность, как чума,
В глубинках вместе с пьянством оседая.

И кажется, что больше никогда
Веселой жизни здесь уже не будет.
Все больше, пропадая в городах,
«Родные гнезда» покидают люди.

Переживают наши старики
За родину, за гибнущие села.
И столько боли в их глазах, тоски,
Простой обиды, горького укора!

И видит солнце каждый божий день,
На землю одичалую ступая,
Боль обреченных русских деревень
По всей Руси от края и до края.
2007г.

В библиотеке «Светоч»

В скромном зале сегодня уютно и строго.
На подставке свечу зажигает рука.
Я читаю стихи. Я волнуюсь немного.
Обнажается радость моя и тоска.

И птицы свитые весной дома
Бес сожаления спешат покинуть.
По норам звери тихо разбрелись.
И от дождей холодных нет просвета.
Березки мокрые, поглядывая ввысь,
Грустят о том, что пролетело лето.
2009г.

* * *

Сгущается бесшумно тень ночная.
Огни зажег поселок и притих.
Здесь все дома и улочки я знаю
И помню, и люблю я с детства их.

Во тьме белеют крыши в снежных шапках,
Над ними дым неспешно вверх плывет.
И в доме вашем намывает лапки
К приходу моему знакомый кот.

У звезд нарядных мирные заботы:
Как убаюкать к ночи Нижний Чов.
По улицам усталый ветер бродит,
Калитка ловит скрип моих шагов.

Опять растянем мы надолго ужин,
Душистый чай пить будем за столом,
А кот рассказы тихо будет слушать
О прошлом, о далеком, о былом...
2005г.

Моя «хрущевка»

Береза и скамейка под окном,
Трава густая, древние качели.
Двор завершает наш панельный дом,
Где тикают часы, бегут недели.

Живу я в нем уже немало лет.
Здесь выросли и возмужали дети.
К моим услугам - газ, вода и свет.
А вот ничем другим он не приметен.

Хотя мой дом - надежная броня
От ветра, холода и солнечного зноя.
Он защищает от дождей меня,
Уютно в нем и летом, и зимою.

И вижу я, переступив порог:
Диван, стихи на полке и компьютер.
Душевный мой, любимый уголок
Снимать усталость незаметно будет.

Конечно и «покруче» есть дома.
Возведено их на планете столько!!!
Есть виллы, небоскребы, терема...
Но мне так дорога моя «хрущевка»!
2010г.

* * *

Снова гнезда покидают птицы,
Оставляя здешние края.
Будет ли пернатым Север снится,
Хрупкие березы, тополя?
Вспомнят ли они свой дом без крыши -
Эти чувства ведомы ли им?
Нет, конечно. Чтобы стае выжить,
Прокричит вожак: «Ле-тим, ле-ти-м...»

Кто же знает, где потом их носит,
Как находят пищу и приют?
Полыхнет огнем слепящим осень
И отправит птиц в нелегкий путь.
Мы встречаем холода иначе:
Летом наполняем закрома,
Трудимся, мечтаем, ждем удачи,
Нам не в тягость снежная зима.

Кто придумал строгие границы,
Где чужие, где свои края?
Никому не верьте, что не снится -
Поле, лес покинутый, земля.
Белый снег, большой сугроб у дома,
Лунный свет, что тает не спеша...
То, что с детства самого знакомо,
То, к чему так тянется душа!

* * *

Пишет брат в письме: «У вас – зима:
Белый снег у самого порога,
Сократился день уже намного,
Ночью звезды смотрят на дома.
Здесь, где я живу, всегда тепло:
Много солнца, зелени и света,
Не сбивает с ног прохожих ветер,
И поземкой сроду не мело.
А под Новый год не Дед Мороз -
Санта Клаус зажигает елки.
Остальное то же: стол, засолки,
Колбаса, шампанское и морс».
Только я читаю между строк:
«Как, сестренка, хочется в Россию,
Чтоб увидеть снова белый иней
И ловить ладонями снежок!»

Сезонные мотивы

* * *

Я на даче своей,
Где растут
 огурцы и картошка.
Я оставила город,
Где пыль, где одна суета.
Здесь сирень у крыльца
И зеленая к дому дорожка.
А как птицы поют,
Как клубника цветет у пруда!

Я на даче своей
 и работаю, и отдыхаю,
Чай с соседями пью,
 кабачки поливаю и лук.
Огорчаюсь, когда
 изнывает земля сухая,
Нет дождя, и растенья
 томятся и вянут вокруг.

Я на даче своей,
Ну, а рядом со мной,
 на крылечке,
Улыбаясь проходим,
Мой строгий наставник сидит.
Нам на пару вдвоем
И сподручней работать, и легче.
И душа его, знаю,
За каждый росточек болит!
2004г.

* * *

С восторгом ягоды ищу,
Легко вбирая воздух сладкий -
Спасибо теплему лучу,
И урожаю, что на грядках.
Веселый, легкий ветерок
Тихонько тешится игрою,
Котенком ласковым у ног
Заигрывает он со мною.
Какое утро – благодать!
Вороньего не слышно крика.
И у меня уже опять
Ведерко, полное клубники.
2005 г.

* * *

Холодная осенняя пора.
Промокшие деревья шепчут что-то.
И небо давит серое с утра,
И в тягость повседневные заботы.

Сгущается под вечер синева,
Усталый ветер скачет неуклюже.
И, осыпаясь, желтая листва
Обречена в холодных плавать лужах.

А дождик льет часами напролет,
Как мышь шуршит за окнами в потемках:
То всхлипнет вдруг, то жалобно вздохнет,
То чем-то возмущается негромко...
2007г.

* * *

Так безлюдно на даче,
соседей не видно напротив,
Только ветер гуляет,
да дождь монотонно стучит.
И от крыши промокшей
тоска ледяная исходит –
Поскорее бы в дом,
чтоб погреться у теплой печи.
Снова осень пришла,
торопливо размыла дороги.
Лес покорно разделся,
и зябко, и сыро опять.
В опустевших домах -
приглушенные шорохи, вздохи,
А как жалобно двери,
прощаясь со мною, скрипят!
Я надолго уйду,
за собою калитку закрою.
Пусть колдует зима,
и кусты утопают в снегу.
Ну, прощай, моя дача,
мы встретимся только весной...
Оживет все вокруг,
и к тебе я приехать смогу.

* * *

На серый лес печально глядя,
Осознаешь: пришла пора
Перетерпеть и дождь, и слякоть,
И хмарь недобрую с утра.

Весьма унылая картина
Перед глазами день и ночь.
И ветер, как разбойник, в спину
Толкнуть исподтишка непрочь.

Замрет на миг, опять закружит...
И ты подумаешь не раз:
«Когда ж ледком прихватит лужи,
Застынет под ногами грязь?»

Ну, а зима уж по-хозяйски
От всей души, одним рывком
Не пожалеет белой краски
И вдруг порадует снежком.
2008г.

* * *

Падает снег. Куст сирени у дома
Видит приятные сны.
В шапке пушистой колодец знакомый
Замер до самой весны.
Скована накрепко тихая речка -
Вот и пришли холода.
Ветер шальной забежит на крылечко
И не оставит следа.
Ищет местечко под бледной луною
Мягко ползущая тень.
Звезды затеют игру все между собою
Под угасающий день.

* * *

Во дворе снегопад,
Снег ложится на белые крыши.
Окна в тонких узорах,
Кусты серебрятся в мехах.
Новый год у дверей,
Мы шаги его легкие слышим.
И гирлянды горят
И празднично в наших домах.

Новый год у дверей.
И подарки, и тосты готовы.
И, как в детстве, я верю:
Волшебное время пришло.
Я могу попросить:
«Дед Мороз всемогущий, веселый
Сделай так, чтобы люди
Вражду позабыли и зло.

Пусть нас радуют дети,
Не мучают старых болезни.
Прекратится стрельба...
Пусть мужчины нам дарят цветы.
Мы бы жили, как в сказке,
Слагали б веселые песни.
А зимою бы ждали,
Когда же появишься ты!».

* * *

Я знаю, далеко за поворотом
Спокойно спит мой дом и огород.
Усталый ветер по проездам бродит
И ждет, когда хоть кто-нибудь придет.
Блаженно, отражаясь в свете лунном,
Ночная тень ложится у крыльца.
Крадется привидение бесшумно,
Осматривая дачи без конца.
А за окном торжественно и важно
Плывут снежинки дружною толпой.
Вздыхает ночь таинственно, протяжно
И льет на землю нежность и покой.

Мысли вслух ...

* * *

Все вроде есть! Окинет взглядом -
И кафель, и паркетный пол,
В квартире мебель то, что надо,
Есть встретить чем, что дать на стол.
Но все равно обходят люди
Большой и убранный их дом,
Где поворчать хозяин любит -
Что ни спроси, все не по нем!
Пыль вытирая с гарнитура,
С посуды дорогой и книг,
Подумает: «Я все же дура, -
И с тряпкою замрет на миг, -
Муж отдыхает на диване.
Он не скандалит, он не пьет,
И деньги водятся в кармане,
И дочь не в бедности живет.
Конечно, муж неразговорчив,
Не улыбнется лишний раз...
Но наш союз семейный прочен -
Что выставляться напоказ?»
Ей бы развеяться немного,
Но далеко и дочь, и внук.
На кухне сядет одиноко
И вспомнит про своих подруг...
Вздохнет украдкой: у соседки
В серванте не хрусталь - стекло,
Нет в доме разносолов редких,
Но от улыбок так тепло.
И хочется душою греться.
И не бывает скучно там.
И по-другому бьется сердце,
Где боль и счастье - пополам!

* * *

Не успели вы опомниться,
Не узнали голос вы.
Кто же вслед сказал:
“Любовница”

Не заметили, увы!
Чья же это память строгая
Растревожила всерьез,
И за душу, больно трогая,
Довела опять до слёз.
Связь всегда была случайная.
С жадных губ и сильных рук
Исходила горечь тайная:
“Он - ворованный супруг!”
В чьём-то незнакомом доме
Напрягали нервно слух.
Вас в той сладостной истоме
Осуждал хозяйский дух.
Ох уж это одиночество!
В праздники, по выходным
Как пройтись порою хочется
По аллее рядом с ним.
Надоел диван вам с книжкой,
Телевизор, сытый кот.
Повозиться бы с сынишкой,
Материнских бы забот:
Детский плач, пелёнки стопкою,
Магазин, бельё, плита.
Каждый день - халат с оборкою,
Кухня, стирка, суета...
День уже к закату клонится:
Не пришел. Одна - опять.
Как не просто быть любовницей –
Каждый день чего-то ждать!

* * *

То мечтает, то мучат сомнения,
То отчаянье гасит в себе -
Пишет женщина объявление
О нескладной, нелегкой судьбе.
Ну, конечно, решиться не просто,
Даже если давно сорок пять.
Разве важно, какого он роста!
Что о нем ей хотелось бы знать?
А потом: “Я умею готовить,
Будет в доме тепло и уют...” -
И опять, прочитав, хмурит брови,
Нет, не так ее все же поймут!
Как вместятся в те скудные строчки
Одинокие все вечера?
Недовольно бросает листочки.
Для невесты, решит, что стара.
Нет же, главное в жизни не это!

Дочка есть у нее, внук и зять.
И отложит подальше газету,
Шарфик станет кому-то вязать.
Но опять одолеют сомненья
И почувствует жалость к себе...
И вернется она к объявлению
С вечной верой в удачу в судьбе.

* * *

Тихо в доме.
 Дети спят.
 Стынет ужин.
Во дворе уже темно.
 Слякоть.
 Лужи.
Смотрит женщина в окно.
 Ей тревожно.
Всё прощать, чего-то ждать,
 сколько можно?
Он придёт, пахнет опять
 перегаром,
Эти сцены, этот мат...
 Как устала!
Замахнётся на нее неуклюже
И начнет страшить:
 “Уйдёшь - будет хуже!”
И в ботинках на постель,
 и в рубашке,
Раньше Дашенькой была,
 нынче - Дашка.
Покидают край родной
 птицы в стаях,
Не жалеют ни о чём, улетаю.
Так ей хочется взлететь,
 словно птица....
А в душе тоска да страх...
 И не спится.
Тихо в доме.
 На столе стынет ужин.
Плачет осень за окном.
 Слякоть.
 Лужи.

* * *

Возможно ли по выгодной цене
Преподносить красиво тело?
Потом шутить, довольной быть вполне,
В глаза смотреть знакомым смело.
Смеяться, плакать и боготворить,
Работать, жить, а между делом
Нестрогою, подыгрывая, быть
И чтоб душа при этом не болела.
Возможно....
Заботами своими жил роддом,

Лил дождь за окнами и собирался в лужи.
«Себя простить не сможешь ты потом! -
Врач убеждал - ...не торопись, послушай...»

Нет, не прижала малыша к груди,
Ни нежность не проснулась и ни жалость.
Оправдывалась: «Некуда нести...
Любимый предал...» Все же - отказалась!

Не задержалась долго у ворот.
Уйти быстрее хотелось от пеленок,
Болезней, непредвиденных забот:
Не вписывался в жизнь ее ребенок.

Осенний ветер полетел за ней.
И, не умея говорить словами,
Отчаянно, за брошенных детей,
Что было сил, хлестал ее руками.

Смотрели женщины ей молча вслед:
Малютку им по-бабьи было жалко.
«Ни материнских чувств, ни страха нет!» -
Ворчала, убирая, санитарка.

Для самых маленьких

* * *

Сергею Сердитову

Я папе и маме скажу: «Посмотрите!-
И выстрою Армию в ряд:
Корабль боевой, самолет-истребитель,
У танка поставлю солдат.
- Я тоже - мужчина!
Пусть недруг боится,
Ведь зря не бросаю я слов.
А если враг все же нарушит границу,
Страну защищать я готов!»

* * *

Саше Фомину

Я с нетерпением ждал рассвет.
Заправил я кровать.
Оделся. Не забыл букет
С собою в школу взять.

Альбом, карандаши, закладки,
Резинку и пенал,
Линейку, ручку и тетрадки
Я тоже в школу взял.

Метет веселый листопад -
Начало сентября,
Но я иду не в детский сад –
Сегодня школьник я!
2007г.

* * *

Данилу Нестерову
Воробей: «Чирик, чирик!» -
Ты, Данила, - ученик?
Чив, чив, чив! -
Еду он просит,
Сидя рядом на березе, -
Я твержу тебе давно,
Что люблю клевать
зерно!»
Принялся Данил за дело -
Воробью кормушку сделал.
2009г.

* * *

Я очень хочу иметь друга-щенка,
Но мама со мной не согласна пока.
Она говорит мне, что в доме нам тесно,
Что в спальне и в зале - ну просто нет места,
Нет места на кухне, нет места в прихожей.
«Он - зверь!– говорит,- и кусаться он может!»
А мне и ночами - то снится щенок,
Виляет он хвостиком, лает у ног!
2007г.

* * *

Утром мама мне сказала:
«Ты уже большая стала!
Помоги прибраться, дочка,
Вытри пыль, полей цветочки.
А потом - садись с братишкой,
Покажи картинки в книжке»
Ну, конечно, помогу,
Я - большая, все могу!
2010г.

* * *

В руках моих иголка
Старается не зря.
Букет из ярких ниток
Для мамы вышью я.
Цветы на день рожденья
Я маме подарю.
На стол ей положу я
Салфеточку свою.
2007г.

Для девочки Леры

* * *

Ежиха – мама, папа – ёж,
А с ними – маленький ежонок.
Он черноглаз и так хорош
В колючей шубке - их ребенок.
Всем дорисую лапки я,
Иголки черные на спинках.
Пусть эта дружная семья
Мне улыбается с картинки!

* * *

Я достала из игрушек
Кукол всех и всех зверюшек.
Их учить я буду чтенью,
Им прочту стихотворенье.
А потом скажу - «Друзья,
Все запомним букву А!»
Покажу им букву О
И прочту стишок еще.
Класс мой, слушая стихи,
Повторяет - А, О, И.

* * *

Нитка есть и есть иголка,
А наряд мне сшить недолго.
«Потерпи, - скажу я дочке, -
Платье будет все в цветочках!»

Куклу я люблю свою,
Для нее стараюсь, шью.
Будет в новеньком наряде
Моя дочка, кукла Надя.

Загадки Деда Мороза

* * *

Дед Мороз в красивой шубе
Очень рад ответам будет,
Если дружно Вы, ребятки,
Разгадаете загадки.

* * *

Покупают ей шары,
Много яркой мишуры,
Бусы разные, игрушки
И girлянды, и хлопушки.
Чтобы в праздничной обновке,
Новый год встречала ... (елка)

* * *

Кружат легкие пушинки
Над дорогой, над тропинкой.
А стараются так, чтобы
Были снежными сугробы.
Подскажи скорей, дружок,
С неба падает ... (снежок)

* * *

На сугробы ляжет тень,
И уснет веселый день.
Ты закроешь молча глазки,
Чтоб во сне увидеть сказку.
А волшебник очень просто
Разбросает в небе ... (звезды)

* * *

Снова - праздник, снова - елка,
И снежинки на иголках!
Дед Мороз веселый в шубе
Улыбаться детям будет.
Он в мешке, в пакетах ярких
Приготовил всем ... (подарки)

* * *

По заснеженным дорогам,
По тропинкам, по сугробам
Дед Мороз с мешком идет,
Новый год с собой ведет.
Посмотри на календарь,
Был декабрь, а стал (январь)

Проза

(рассказы)

Принцесса на горошине

Есть люди, для которых дача – это баня, шашлыки и отдых на травке. Тамара же на своей - выкладывалась, потому что на ее шести сотках вместе с картофелем, морковкой и прочей полезной зеленью процветали сорняки; приходилось вести с ними неравный бой: их было – много, она – одна. Некоторые дачники для создания чистоты просто изводят себя работой: конечно, приятно смотреть на ухоженные участки. Но ей самой с понедельника до пятницы приходилось добросовестно исполнять обязанности рядового инженера в производственном отделе строительного управления: составлять сметы, согласовывать с заказчиками объемы. А в это время на ее грядках нагло размножались одуванчики, хвощ, осока... Поэтому в выходные, вырвавшись на дачу, женщина брала садовый инструмент и предназначенное для отдыха время проводила на поле битвы. «Но зато я целый день на свежем воздухе, – копаясь на огороде, утешала себя Тамара, - картошка, лук, ягоды - существенная экономия для семейного бюджета! А баня! А цветы!» На этом аргументы в пользу изнурительного труда под палящим солнцем заканчивались. Самое же главное словами не проговаривалось, оно сидело где-то внутри. Сосредоточившись на работе, женщина отвлекалась от нежелательных воспоминаний. Но как ни запрещала она себе возвращаться к прошлому, оно все равно возникало перед глазами. Вот они с мужем строят дом, вот колдуют над теплицей, натягивая пленку, а вот Вадим со

снисходительной улыбкой перехватывает тяжелое ведро, которое она пытается поднять, или с сияющей радостью раскрывает перед ней ладони, где прячутся первые спелые ягоды любимой клубники...

Воскресный день подходил к концу. Тамара с сыном Мишей, отдав сполна долг своим шести соткам, уже вернулась домой. Сын смотрел телевизор у себя в комнате, а Тамара лежала с книжкой на диване.

- Мам, тебя к телефону!

- Кто спрашивает?

- Отец.

«Странно, он же на днях занес деньги, что ему еще понадобилось?» - мелькнуло в голове, но усталость взяла верх. Любопытство было отодвинуто.

- Скажи, что мы только что пришли с дачи. Я устала.

- Он очень просит, подойди...пожалуйста!

При этом на слове «пожалуйста» был сделан некий акцент. Сыну отказывать было неудобно: она нехотя поднялась...

С Вадимом Тамара уже два года не жила вместе, но ради Миши ей приходилось поддерживать с ним отношения. Бывший муж бессовестно пользовался ее терпением и по-прежнему пытался делиться своими проблемами. Сама ведь когда-то приучила к этому: внимательно выслушивала, вникала, помогала... Ее усилия не пропали даром. Необходимость выговориться закрепилась в нем так прочно, что даже и после развода Вадим охотно рассказывал ей о себе. Иногда Тамаре казалось, что он не столько интересуется сыном, сколько просто привык за их длинную совместную жизнь к доброжелательным отношениям, а выстроить быстро что-то подобное с другой женщиной, скорее всего, не получалось. Но Миша искренне радовался каждому приходу отца, и Тамаре было жалко лишать его приятных минут.

- Не понимаю, что ты носишься с Вадькой? Ушел и все! Можно заводить любовника, - возмущалась Люся, ее близкая подруга.

Еще в школе Сахонова Люда была уверенной и самой красивой девочкой их класса. После окончания университета она стала работать корреспондентом в небольшой городской газете и больше всего ценила независимость и свободу. Людмила легко знакоилась с молодыми людьми и так же легко расставалась с ними, потому что всегда была окружена толпой обожателей.

- Никогда не надо догонять ни отъезжающий автобус, ни уходящего мужчину: один - уйдет, другой – придет! - говорила Люся, прощаясь с несостоявшимся мужем. И тут же приближала к себе следующего поклонника.

«Как же у тебя все ловко получается!» - удивлялась Тамара. В отличие от подруги решение о разводе она принимала долго и мучительно. Взвешивала все «за» и «против», даже советовалась с психологом, как относиться к изменам мужа. И, в конце концов, поняла, что это надо «или принимать, или не принимать», и решила все-таки – «не принимать»:

- Вадим, так жить больше нельзя! Я знаю, что у тебя есть другая женщина, определись, в конце концов!

- Что ты имеешь в виду? – настороженно поинтересовался муж.

- То, что я сказала: у тебя есть другая женщина!

Но муж был настолько уверен в своей конспирации, что разговор тогда не получился. Пришлось сменить тактику. Чтобы усыпить его бдительность, она не стала больше ворошить неприятную для него тему. Женщина просто «отпустила тормоза».

Вопросов: где, почему, когда уже не задавала. Сначала муж был очень предусмотрителен и осторожен. Однако постепенно расслабился и, не справившись с предоставленной свободой, покатился, как машина с горы, набирая скорость.... Ждать пришлось недолго. Через некоторое время он сам признался, что устал раздваиваться.

- Это какое-то наваждение: ничего не могу с собой поделать, тянет к Жене... И за вас душа болит!

- Не мучай себя, иди, – как можно спокойнее, предложила Тамара.

- А как же Миша?

- Он твой сын! Вы можете встречаться...А когда повзрослеет – сам во всем разберется. Вадим, очевидно, рассчитывал, что его начнут удерживать. Но ни уговоров, ни истерики не последовало. Тамара долго себя готовила к этому: убеждала, что правда лучше, чем ложь, что со временем и разговоры за спиной стихнут, и сочувствующие взгляды исчезнут. Она помнила все до мельчайших подробностей: угнетающую тишину, какую-то недосказанность и Вадима с комплексом вины, потерянного, жалкого...

- Тамара, прошу тебя, не подавай на алименты: я вас никогда не обижу.

Наверное, под взрыв неуправляемых эмоций легче сжигать корабли, громко и навсегда хлопнуть дверью. Она не подошла к окну, не проводила его взглядом. Лишь рана, которая пряталась где-то внутри, вновь предательски заныла...

- Не будь дурой, подавай на алименты! Раз принесет, два, а потом юлить начнет! Вот увидишь, еще и до раздела имущества дойдет! – возмущалась Люся.

- Жизнь рушится, а ты о деньгах да о тряпках! – не понимала Тамара.

- Сама виновата! Другие бабы как-то цепляются, сын ведь у вас. А ты – «иди, не мучайся!» Вот увидишь, Женька его стальной цепью к себе прикует.

«А может Люся права, я что-то не так сделала!» - возвращаясь к прошлому, сомневалась женщина.

Теперь ей даже как-то неловко было рассказывать подруге о бывшем муже...

- Вадим, что тебе надо?

- Помоги мне! – прозвучал в трубке взволнованный голос.

- Чем?

- Я тут недалеко. Выйди навстречу: меня выследили. Я тебе потом все объясню!

В ее воображении тут же выстроилась картина: люди в камуфляже с боевыми автоматами плотным кольцом окружили утопающую в зелени «хрущевку», где в настоящий момент находился ее бывший муж, она даже представила опытного снайпера на крыше соседнего дома, который держал Вадима на прицеле. Ей стало весело! Конечно, женщина понимала, что на самом деле все гораздо прозаичнее: наверное, очередное любовное свидание, вычислил обманутый мужчина, и теперь, скорее всего, оскорбленный Отелло сидит у подъезда и жаждет расправы с ненавистным соперником. «И Женя не приковала цепью!» - пришла к заключению Тамара. Захотелось тут же съязвить: «Раньше таких проколов у тебя не было? Стареешь, друг!» - но, наткнувшись на встревоженный взгляд сына, сдержалась. Мишино обожание отца она принимала, как аксиому. После их развода сын повзрослел буквально на глазах. Теперь он старался, как мог в свои четырнадцать лет, ее поддержать, но отцу все равно был рад.

- Позвони 02, – предложила Тамара.

- Звонил, вызов не принимают. Ну, пожалуйста, я очень прошу...

- И как я буду защищать тебя?

- Ты просто подойти к подъезду и сядь на скамейку. – Он назвал адрес. Их разделяло всего три дома.

«Понятно, нужен свидетель, или же - при посторонних отношения не будут выясняться варварским способом! - предположила женщина: А ведь проучить-то стоило!»

Затянувшуюся паузу Вадим воспринял, как отказ.

- Тогда прощайте! И помни, я всегда любил только вас, – на эту фразу была сделана ставка, поэтому прозвучала она с особым пафосом.

«Артист!» - усмехнулась про себя Тамара.

- Мам, сходим?

«Надо же, недооценила! Уже успел договориться с Мишей. Однако интересно, как он ему обрисовал сложившуюся ситуацию?» Идти никуда не хотелось. Диван настойчиво требовал: «Вернись назад!» Но ожидание в глазах сына... «Пойдет один, и не переубедишь», - глядя с тоской на уютное ложе, подумала Тамара и накинула легкую ветровку.

Вечер был изумительный. Улица утопала в зелени. Пахло сиренью. Солнце наконец-то скатилось к горизонту и не обжигало, как днем. Все вокруг обволокла нежная голубизна с приятной свежестью. Стояло время белых ночей, которыми природа украшала

непродолжительное и капризное северное лето. Прохожих на улице не было, не было и людей в камуфляже. У подъезда тоже никто не караулил. Не успели они с Мишей подойти к дому, как навстречу им вышел Вадим. Он, видимо, ждал их где-то у окна. Бросился в глаза отек на лице. Значит, без гладиаторского боя не обошлось. «Опоздала!» - глядя на мужа, заключила Тамара. Шевельнулось чувство жалости. Если бы Вадим был счастлив, ее неприязнь, вероятно, росла бы пропорционально его семейному благополучию, но жизнь у бывшего мужа не складывалась, поэтому Тамару одолевали противоречия. Умом понимала: «Жалеть не стоит!», но сердце не хотело подчиняться холодной логике. Было в их жизни такое, чего она не могла перечеркнуть. И оно, теплое и светлое, пряталось в потайных углах души: «Ему ни с кем так уютно, как со мной, не будет!» Но и ей самой уютно в опустевшем доме не было. Порой казалось, что покой, которого она усиленно добивалась, угнетает.

Однажды Миша, глядя на нее, произнес:

- Мама, теперь тебе можно выйти замуж.
- Зачем? Ты хочешь, чтобы место отца кто-то занял!
- Нет, не хочу. Но у меня есть друзья, а ты – одна. Посмотри, как тетя Люся живет!
- У тети Люси детей нет, а у меня есть ты.

Мысль о том, что другой мужчина переступит порог дома, даже раздражала. Какие-то невидимые нити связывали ее с бывшим мужем. Тамаре было безразлично, как складывалась его дальнейшая жизнь. Хотя и понимала: бывшее никогда не повторится. Даже, если он вернется к ней, это уже будет другой человек, усталый, надломленный. Тот, жизнерадостный и непредсказуемый Вадим, которому было все по плечу, навсегда остался в прошлом.

В таком подвешенном состоянии и проходило время. Изредка Люсе удавалось вытащить ее на веселые творческие «тусовки». Но подругу Тамара воспринимала, а ее окружение – с трудом... Вадиму было неловко: он старался не смотреть на бывшую жену... И Тамара ни о чем не стала его расспрашивать. Они молча пошли назад.

- Можно, я переночую у вас?

- Переночуй, – согласилась женщина, пожав плечами, - Миша, поставишь раскладушку в своей комнате.

Войдя в дом, она скинула ветровку и начала разогревать еду.

- Стол накрыт, – сообщила Тамара и с чувством выполненного долга вернулась к дивану, непроизвольно прислушиваясь, что делается за стеной.

Миша тоже, заметив неловкость отца, не приставал. Они молча перекусили и, уткнувшись в телевизор, стали смотреть какой-то фильм.

Утром, переступив порог кухни, она увидела мужа, стоящего у окна. Он уже был одет.

- Чего не спишь?

- Да надо бы домой зайти ...

- Подожди, я поставлю чайник.

Сработало обычное чувство гостеприимства. Тамара подала чашку, поставила пряники и сахар. Потом, зайдя в комнату сына, вынесла затемненные очки.

- Возьми. Что ж ты Женю не жалеешь, она, наверное, потеряла тебя, переживает?

- Не получается у нас ничего. Уйду я от нее.

- Поди, другую нашел... И чего тебе не хватает? Дело ведь не в женщинах, а в тебе самом! Каждая мечтает о простых порядочных отношениях, хочет уверенности в завтрашнем дне... Определись, и все наладится!

- А если я вернусь к вам?

- Нет, это будет повторение пройденного... Не хочу!

Хлопнула уличная дверь. Женщина машинально проводила мужа взглядом и отвела его только тогда, когда Вадим скрылся за углом. Сколько раз у этого самого окна она мучилась в ожидании, стараясь отбросить подальше страшные мысли, а они все наплывали и наплывали.

Но, как только он появлялся из-за угла, прощала все, главное – живой и невредимый!

Рабочий день начался с вопроса начальника отдела, Николая Александровича.

- Как выходные?

- Трудовой десант на даче! - Машинально ответила ему Тамара.

- Нельзя же так усиленно зарывать себя в грядки! Нужно что-то и «для души»...

«Для души» подразумевалось нецененное ею внимание с его стороны.

Попав после института в производственный отдел, где постоянно крутились прорабы, мастера, бригадиры, она сделала для себя очень важный вывод: нельзя никого из мужчин выделять, надо уметь держать всех на определенном расстоянии. Важно участливо выслушивать, но при этом как можно меньше рассказывать о себе, не осуждать, а если есть за что – уметь сдержанно заметить хорошее... И желательно ни о чем не просить, чтобы не попадать в зависимость...

Красавицей она себя никогда не считала. Но Люся, оглядывая ее с ног до головы, уверенно утверждала:

- Для флирта, Томка, у тебя все есть! Ты просто зациклилась на Вадьке, и со временем у тебя выработался «комплекс жены», расслабься, подруга!

Однажды Николай Александрович удивленно подытожил:

- А ведь директор с вами как-то по-особому разговаривает.

- Да так же, как и со всеми! – не придавая значения его словам, пожала она плечами.

- Не - е - ет... - задумчиво протянул начальник отдела. - Не так, как со всеми!

Тамара понимала, что положение «брошенной жены» не скроешь. Поэтому внутренне себя к этому готовила.

Как только новость о том, что ее оставил муж, расползлась по фирме, она сразу же почувствовала усиленное внимание не только со стороны начальника отдела.

- И что тебя не устраивает? Нормальный мужик! - Защищая интересы Николая Александровича, удивлялась Люся. – «Никол-л-ля...», - слышишь, как романтично звучит? Ведь не урод, Томка, и порядочный!

- Да, вроде, ничего, не наглый. Только женат!

- Женька тоже знала, что Вадька твой женат. Ей это помешало?

- Я – не Женька!

- А кто? Принцесса на горошине! Томка, жизнь тебя ничему не учит. Лет через пять уведет Мишу какая-нибудь девочка, и завоеешь от одиночества. Годы-то уходят!

- Я иллюзий не строю: Николеньке только постель нужна!

- Любишь ты, однако, усложнять! Да все мужики состоят из трех простых желаний: поесть, поспать и переспать! Поел – слава Богу, поспал – набрался сил, переспал – маленькое счастье! А разнообразия не только в еде хочется! За что их осуждать? А на тебя, подруга, через несколько лет и смотреть-то никто не станет!

- Люсь... Вадим назад просился.

- Назад? А ты!

- Сказала, что не хочу повторения пройденного.

- Ну, ты точно - принцесса на горошине! Томка, я ведь не слепая, любишь же! Верни его. Серьезно говорю, никого не слушай, верни Вадьку! Ты думаешь легко, когда один, второй, третий... Отойдет от остановки последний автобус, а с ним уедет твой последний мужчина и все - никакого просвета впереди! А красота... Она ведь не вечная! - И вдруг понизив голос, как-то жалобно добавила, - знаешь, как я боюсь одиночества...

Школьный вымогатель

Надежда работала в школе, где учились умственно-отсталые дети. Из-за реформ, направленных «на повышение жизненного уровня народа», рождаемость в стране падала, а процент больных детишек рос. Причины были разные: увеличивалось количество «алкогольных» детей, сказывалась наследственность, что-то не состыковывалось в генетике. Во вспомогательных школах воспитанники вместе с трудовыми навыками получали знания по упрощенным программам. Надежда смотрела на своих учеников и никак не могла представить

их будущее в новом демократическом обществе. Дети, с которыми приходилось работать, были непосредственны, чересчур наивны и доверчивы. И в то же время в любую минуту кто-нибудь из них мог дать непредсказуемую эмоциональную вспышку, переходящую в жестокость.

Ее сын Миша, живой и любознательный ребенок, был полной противоположностью: учился хорошо, схватывая все на лету. Она с интересом наблюдала, как он открывает для себя окружающий мир.

С утра женщина спешила на работу, чтобы изо дня в день учить больных детей писать, читать, считать и, между делом, старалась прививать им чувство доброты. Два раза в неделю, закончив уроки в школе, Надежда посещала Ирочку Мирову, с которой занималась индивидуально, так как эта девочка страдала приступами эпилепсии. Дверь ей открывала сама Ирина или же ее бабушка. Ответив на приветствие, девочка доставала учебники, тетради, складывала руки, как примерные ученики в школе, и начинала сосредоточенно смотреть на свою учительницу, пытаясь понять каждое обращенное к ней слово.

Стол, за которым они занимались, стоял у окна. За стеклом была видна речка, луг и в отдалении лес, который сливался с горизонтом. Осенью полоска у горизонта покрывалась оранжевой дымкой, и прощальные солнечные лучи придавали пейзажу особое очарование. Но со временем деревья теряли свой праздничный наряд, ярко-голубое небо выцветало, и тогда вид за окном становился угрюмо-серым. С появлением снега все менялось, как будто праздничная чистота опускалась на мир. Весна всегда была неожиданной и веселой: лес приобретал голубоватый оттенок, который постепенно переходил в нежно-салатовый.

Конечно, знания девочка впитывала намного медленнее, чем природа меняла свои краски, но все-таки ее подопечная научилась читать, писать и считать на палочках и счетах. А вот таблицу умножения школьница никак не могла усвоить. Порой Надежде казалось, что она тупеет вместе с ребенком, и тогда взгляд непроизвольно обращался к пейзажу за окном. Это ее успокаивало, и женщина опять продолжала объяснять одно и то же.

Отработав положенное время, Надежда как будто бы переступала невидимую черту, за которой была другая жизнь: она спешила в магазин за продуктами и, поглядывая на часы, нервничала в очередях, потом колдовала у плиты, чтобы накормить мужа и сына. На сковородке что-то урчало, возмущенно булькала вода в кастрюле, а в ванной в это время мокло белье. Когда женщина чувствовала, что с кухней вот-вот закончит, звала сына для проверки домашнего задания.

Миша в их семье был центром Вселенной. Надежда смотрела на него, и сердце ее сжималось от любви и тревоги. Порой казалось, что как только он выпадет из поля зрения, так сразу же на него обрушится какая-нибудь беда. Муж воспринимал подобные опасения с иронией и не всегда разделял эти взгляды, мальчика любил по-своему: зимой брал с собой на лыжню, а летом – на рыбалку...

- Что задано? – начинала она проверять уроки почти всегда с одной и той же фразы.

Потом просматривала письменные работы и заставляла отвечать на вопросы по устным предметам. Если сын говорил уверенно, Надежда, не теряя времени, открывала тетради своих учеников и, делая вид, что слушает его, переключалась на другую работу.

Однажды Миша спросил ее вроде вскользь.

- Мама, а можно я буду учиться дома так же, как твоя Ира?

- Ира – больной ребенок, поэтому она в школу не ходит.

И уже позже, когда было постирано белье и проверены все тетради, всплыл неожиданно вопрос сына.

- Миша, а почему ты интересовался индивидуальными занятиями?

- Да так ... – нехотя кивнул мальчик, не отводя глаз от телевизора.

- В школе какие-то проблемы?

- Нет.

- Ты что-то недоговариваешь! Может мне зайти к Ольге Сергеевне?

- Она ничего не знает! – машинально ответил мальчик. Он был весь поглощен тем, что в данный момент происходило на экране.

- А о чем еще не знает ваша классная руководительница?

Миша понял, что проговорился и, оторвавшись от телевизора, тяжело вздохнул.

- Конечно, ты имеешь право на какие-то свои секреты, но то, что мешает учиться, надо устранять.

- Я уже папе рассказал.

- А мне об этом нельзя знать?

Сын замаялся, видимо, взвешивая довериться или нет, и после непродолжительной паузы нехотя пояснил:

- Сашка Будник из 10 класса ловит мальчишек и требует деньги. А если их нет - бьет.

- И давно?

- Да, – утвердительно кивнул мальчик.

- И тебя бил?

- Бил, – понуро подтвердил Миша.

- Ну-ка, покажись!

Он расстегнул рубашку. Ниже плеча на худеньком теле красовался большой синяк.

- У кого он еще вымогал деньги?

- У Потапова... Соколова... Никитина... - подняв глаза к потолку, стал перечислять

Миша, - да почти у всех мальчишек из нашего класса. Он сказал, если я проболтаюсь кому-нибудь, – убьет!

Первое, что пришло в голову – тут же позвонить родителям этих мальчишек, чтобы общими усилиями одолеть Будника. «Но на это уйдет вечера два-три. Нет, надо немедленно что-то делать», – рассудила женщина.

- Ладно! Завтра в школу не ходи, но позвони ребятам и узнай домашнее задание. А с папой я поговорю: что-нибудь придумаем.

На следующий день Надежда, встретив Вадима после работы, рассказывала:

- Я была в школе. Саша действительно учится в десятом классе. О том, что Будник избивал пятиклассников и вымогал у них деньги, там еще не знают. Ученик он способный, числится в «лучших», хотя и стоит на учете в детской комнате милиции. Воспитанием сына занимается в основном мама, работает она в больнице медсестрой. Папа его очень занят, возглавляет технический отдел на производстве. Часто бывает в командировках. Встретиться с Сашей мне не удалось.

И в конце подытожила:

- Мы сейчас найдем Будника, и ты по-мужски тряхнешь его так же, как он - мальчишек!

- Сначала тряхну я, потом будут трясти меня... Он же несовершеннолетний, Надя!

- Боишься за свою репутацию! Хорошо, я тряхну, только ты будешь стоять рядом! - В ней все кипело. Синяк сына стоял перед глазами. - Его надо припугнуть, дать понять, что против одной силы есть другая! Лучше, конечно, раздавить морально, убить желание вообще подходить к нашему ребенку. Как ты не понимаешь, Миша боится выйти на улицу! Я этого Будника уничтожить готова!

Сашу они так и не нашли.

- Что теперь?

- Пойдем к нему домой.

- Трясти его вместе с родителями?

- Не паясничай! А что ты предлагаешь, молча наблюдать за тем, как издеваются над нашим ребенком? Ладно, пообщаемся с его родителями, а там будет видно.

Двери открыл отец Саши.

- Здравствуйте.

- Александр Будник здесь живет?

- Да, а что случилось?

- Мы родители пятиклассника Миши Нечаева. Ваш сын избил его, – начала объяснять Надежда.

- Проходите, – предложил им высокий мужчина с усталыми темно-синими глазами.

И уже в квартире Надежда продолжила.

- Саша запугивает не только Мишу, но и других ребят из пятого класса и вымогает у них деньги, бьет их. Я боюсь своего ребенка выпускать из дома, сегодня он не пошел в школу. Завтра я поеду с ним к судебному эксперту, так как на теле сына после побоев остались синяки. И, конечно же, в ближайшее время постараюсь поставить в известность родителей других ребят.

Мужчина не перебивал, лишь смотрел виноватым взглядом то на нее, то на Вадима. Кроме отца Саши в доме никого не было. Ей непроизвольно бросилось в глаза, что в квартире чисто, уютно, приятно пахнет выпечкой. Как-то не верилось, что здесь может жить враг, которому она только что объявила войну.

- Я обязательно разберусь с сыном. Ни вашего мальчика, ни других ребят он больше не тронет, обещаю! – негромко, но уверенно подтвердил хозяин.

- Мишу в школу я не отпущу, пока не встречу с вашим сыном. Понимаете, я хочу сама убедиться в том, что моему ребенку ничто не угрожает. Если Саша ко мне не придет, я буду принимать меры.

На следующий день, открывая ей дверь, Миша сообщил:

- Ребята звонили, сказали, что Будник заходил к нам в класс и меня искал!

- Это хорошо! А как уроки? – поинтересовалась Надежда, проходя с продуктами на кухню.

- Сейчас поужинаем, и я проверю. Готовься!

За окном сгущались сумерки. Порывистый ветер срывал с деревьев последние листья и бросал их под ноги редким прохожим. Она не любила позднюю осень. Задергивая плотнее шторы, женщина как будто бы старалась отгородить себя от холода, ветра и дождя. Но, даже находясь в тепле, она все равно ощущала какой-то дискомфорт.

Слушая мальчика, Надежда думала о том, что она сегодня еще способна вмешаться, чтобы защитить сына: кому-то позвонить, на кого-то надавить... А лет через пять, десять? Жулики, психопаты, люди с совершенно другой моралью... Как научить мальчика выживать и в этой среде, оставаться самим собой, уметь противостоять чужому мнению? Реформы, проводимые в стране, все больше и больше усложняли жизнь: вымогательство и жестокость насаждались сверху, становились нормой. Государство постоянно обманывало своих доверчивых и законопослушных граждан. Ваучеры породили олигархов. «Сильные мира сего» обесценили вклады населения, отобрав в одночасье все сбережения. Потом, как грибы в лесу, стали расти пирамиды, вроде МММ, подбирая то, что еще осталось у людей, растерявшихся в новом времени... А последние крохи подъедала инфляция... Маховик, запущенный с ведома правительства, все больше и больше затягивал петлю на шее россиян. Сашу Будника она одолеет. А вот как научить Мишу во всем этом жить, во что-то верить, к чему-то стремиться? После занятий с сыном она взглянула на часы.

- Однако, где же наш папа?

- Ой, я совсем забыл! Папа звонил и попросил передать тебе, что задержится, - вспомнил мальчик.

Миша сел к телевизору, а она с книжкой ушла в спальню, но вдруг услышала, как сын вскочил с дивана и прошел в прихожую.

- Мам, к тебе!

На пороге стоял долгожданный Будник.

- Проходи, - предложила ему хозяйка дома.

Она села напротив и стала внимательно рассматривать посетителя. Парень был похож на своего отца, такой же высокий и крепкий. Было заметно, что затянувшаяся пауза мучила его. Будник с опущенными глазами ждал приговора... Надежда представила, как трясет его за грудки: это с ее - то ростом ниже среднего! Даже ухмыльнулась! Потом ее взгляд задержался на руках подростка. Воображение тут же нарисовало картину: сильные руки старшеклассника опускаются на худенькие плечи ее беспомощного ребенка... «Ученик массовой школы, хорошист! На психическое отклонение не спишешь, значит – издержки воспитания...» - делал выводы сидевший в ней педагог.

- Ну, что Саша! Родители ребят, которых ты избивал и у которых отнимал деньги, еще ничего не знают. Ты ведь уже стоишь на учете в детской комнате милиции? А если и это всплывет! Учишься ты неплохо, собираешься, наверно, после окончания школы в институт поступать, – начала негромко говорить Надежда, не отводя глаз от подростка. - И характеристика хорошая нужна будет! Ты меня понимаешь?

Саша утвердительно кивнул головой.

- Вижу - понимаешь! А теперь конкретно о Мише. У меня на руках заключение эксперта о побоях. Это ведь, дружок, на статью тянет! И прощайте мечты! Если я узнаю, что ты, не дай Бог, подходил к моему сыну или к кому-нибудь из детей его класса, мы уже будем беседовать не здесь ... И тогда я точно извещу родителей остальных ребят. Ответ перед всеми держать придется!

- Извините меня... Больше этого не будет! – потупив взгляд, отозвался Будник.

- И все-таки я не понимаю, как же у тебя руки поднимались на мальчишек? Они же в два раза меньше тебя, ты посмотри на Мишу! Твои родители – обеспеченные люди, ты – единственный сын, неплохо одет... Чего тебе не хватало?

На следующий день Миша пошел в школу...

Прошло, наверное, с полгода. Как-то Надежда спешила на автобус, чтобы попасть с одного конца города на другой. Всюду хозяйничала весна, внося свои коррективы. Женщину радовало теплое апрельское солнце, а вот огромные лужи... Надежда замерла от страха, услышав за спиной шум колес. «Все, сейчас окатит с ног до головы!» - мелькнуло в сознании. Она сжалась, даже глаза зажмурилась... Но, к удивлению, машина остановилась рядом, не причинив вреда.

- Садитесь, – предложил ей мужчина с темно-синими глазами, открыв перед ней дверь.

- Мне далеко, на другой конец города, – отказалась Надежда.

- Значит поедем на другой конец города! – улыбнулся отец Саши Будника.

- Ну, как поживает ваш мальчик?

- Спасибо. Вы слово свое сдержали! Я к Саше пока претензий не имею.

- Честно сказать, я даже и сам не знаю, когда упустил сына? Учился он всегда неплохо, казалось, что все остальное само собой приложится. Возникали, конечно, какие-то сложные моменты, вникать в которые просто не хватало времени. Надеялся на жену. Вы уж нас извините! – И после небольшой паузы продолжил. – Это хорошо, что я был дома, когда вы к нам пришли. Оказывается, жена мне многое не рассказывала: старалась сгладить последствия, выгораживала сына...

На лето Сашу работать устроил. Пусть почувствует, как деньги достаются. Я ведь тоже когда-то с токаря начинал. Учился заочно... Всего своим трудом добивался.

Машина плавно шла вперед, подчиняясь сильному, уверенному человеку. А он все говорил, говорил, говорил...

Беспощадный критик

Лену мы слегка побаивались. Была она главным нападающим на наших литературных семинарах. Выглядела девушка заурядно: худенькая, среднего роста, нос курносый и рот великоват. Глаза, правда, выразительные, цвета полевых васильков, смелые, цепкие. Посмотреть – ничего особенного! Но все в ней оживало, когда она начинала говорить и, даже если сообщала нам о чем-то незначительном, все равно хотелось слушать ее эмоциональную речь.

«Союз независимых литераторов» посещали люди разного возраста, и молодые, и зрелые, но побаивались девушку все одинаково. Она была неглупа, добросовестно раскладывала на составные части неудачно построенные фразы и дотошно копалась в наших поэтически...х образах.

Руководитель литературных семинаров одобрительно кивал головой в знак согласия и, поддерживая ее, по-отечески наставлял:

- Вы же не приложите комментарий к стихотворению, как, по вашему, надо его

воспринимать. Попав в печать, оно остается один на один с читателем.

А с каким удовольствием Лена декламировала зарифмованные нами опусы!

Работала девушка в театре, правда, мы еще не знали кем, сама она не говорила, а спрашивать было неудобно. Хорошие стихи читала замечательно! А наши: начало – вдох, точка – выдох.

Многоточие - выдох и опять – вдох. Если вдохов оказывалось больше чем выдохов, девушка демонстративно задыхалась... В эти минуты автору, конечно же, становилось не по себе.

Иногда, она могла обратиться к кому-нибудь намного старше ее и с наигранным любопытством спросить:

- И вы еще умеете так чувствовать?

Человек терялся и начинал беспомощно лепетать что-то в свое оправдание.

Высказывая свои замечания, Лена умудрялась при этом сообщать нам о чем-то важном и не очень важном в своей жизни. Ну, например, о том, как после университета пришла работать в школу. Помимо уроков русского языка и литературы, ей было доверено еще классное руководство в 5а и, как «подарок судьбы» в этом классе – внук мэра

города. Однажды любимый ребенок высокопоставленного лица и ничем не примечательный художавый Василий Тихомиров подрались. На вид слабенький Вася умудрился поставить синяк своему однокласснику.

-Что тут началось! – закатывая глаза, вспоминала Лена.

Немедленно прибыл оскорбленный дед. Лену он сразу не признал и, бесцеремонно обращаясь к ней на «ты», учинил самосуд. Выразительным жестом возмущенный градоначальник указал на рыдающего Васеньку и грозно произнес:

- В психушку!

И Леночка не сдержалась, она (мы это оценили) предложила главе города сдать в психушку и его любимого внука, так как в драке участвовали оба. Высказанная вслух мысль была роковой! Через полчаса ее лишили классного руководства, а в конце рабочего дня – работы. После этого случая она и попала в театр.

Итак, все по очереди сдавали свои творческие работы и уходили с литературных занятий битые ею с особым пристрастием. Только сама Лена ничего не приносила для обсуждения. И когда Юрий Андреевич ненавязчиво спрашивал:

- Кто следующий? - а мы, опуская глаза, не решались встретить его подбадривающий взгляд, девушка интригуяще заявляла:

- Я пишу, но рассказы у меня еще не совсем готовы!

И мы с нетерпением ждали, когда она допишет. Наконец, были разобраны работы всех представителей литературного объединения. И Лена поняла, что очередь все-таки дошла до нее.

- Знаете, дала мужу почитать черновик, а он мне сказал: «Как тебе не стыдно такое писать!»

- Вы не рассказывайте, вы принесите. И не волнуйтесь, мы сможем оценить их! - Заверил девушку руководитель.

- Кто бы мне напеч-а-а-тал? - Эта фраза предназначалась всем сразу.

И так трогательно, так беспомощно в эту минуту смотрели на нас ее выразительные васильковые глаза. Но желающих не нашлось.

- Надо самой учиться. Очень важно видеть печатный текст, при этом, в конце концов, делаешь последние правки, – посоветовал и ей, и нам Юрий Андреевич.

- Хорошо, я напечатаю, – сказала она спокойно и немного хвастливо добавила - У меня дома даже печатная машинка есть!

Мы разошлись с надеждой, что скоро Лена раскроется перед нами во всем своем величии.

Помню, как я шла в бюро пропаганды художественной литературы Дома печати, где мы брали тексты для обсуждения. Получив ее рассказы, я тут же начала их бегло просматривать. Ну, конечно, более вдумчиво перечитала уже дома. Оба рассказа были без названия. Но фамилия автора имелась на каждом. В первом - передо мной предстала девочка, которая на уроке этики вспоминала, как ее «любимый папочка вернулся, как всегда, в доску готовый и полез с кулаками на мать». Она (эта девочка) «его огрела сзади». И хотя они с

мамой «успешно отбились», у обеих руки потом были в синяках. Но когда отец заснул, и она, и ее мама дружно «хихикали на кухне», радуясь своей победе.

Второй рассказ я бы назвала «Моя судьба и судьбы моих одноклассников». Я даже затрудняюсь его пересказать. В начале Лена описывает, как она выражается «составные компоненты: «пункт 1. Сережа», «пункт 2. Андрюха», «пункт 3. Сама Танька», «пункт 4. Я – бесплатное приложение к пункту 3.» Это – ее герои. О том, кто они такие, было непонятно, просто пункты 1, 2, 3, 4. Затем так называемая «Я» занимается оформлением стенда, посвященного В.И. Ленину, с «класснухой». После выполнения задания главная героиня, то есть «пункт 4», расслабляется в узкой компании своих сверстников и делает вид, что все «тип-топ». Затем события в повествовании стремительно мелькают: экзамены, картошка, лекции, первое свидание, неожиданная (скорее всего интимная) ночь... «Как это нас угораздило?» - недоумевает «пункт 4», свадьба, ребенок и т.д. В конце так же коротко сообщается, кто куда поступил и кто куда не поступил, кто куда уехал и кто куда не уехал...

В мае месяце мы собрались вновь, чтобы дать оценку рассказам нашего беспощадного критика. Все кабинеты Дома творческой интеллигенции были заняты. В фойе тоже толпились люди, так как в этот вечер здесь открыли выставку одного молодого художника. У него брали интервью, его фотографировали. Нас попросили пока расслабиться за чашечкой кофе. Мы заняли крайний удлиненный стол в кафетерии. В центре с гордым видом устроилась Лена. Она, держа чашечку в руке, говорила тем, кто подходил к нашему столу, подкрепляя свои слова выразительными театральными жестами:

- Не здесь, говорить будете, когда соберемся все вместе!

Последним к нам подошел Володя. Всем нравился этот спокойный и справедливый молодой человек. Он обладал и врожденным тактом, и хорошим художественным вкусом. Высказывая свои замечания, Володя никогда не забывал отметить и положительные стороны в нашем творчестве. Чувствовалось, что он был переполнен впечатлениями, поэтому начал высказываться тут же, не обращая внимания на возмущение девушки.

- Лена, я вчера после твоих рассказов не спал всю ночь, мне снились кошмары!!!

- Не сейчас, не сейчас! – ее рука вновь взлетела в знак протеста.

Наконец, нам выделили место для занятий. Народу было, как никогда, много. На этот семинар из Ухты приехал редактор литературного альманаха «РЫ». На занятии пробовал присутствовать художник, дебют которого состоялся в этот вечер в Доме творческой интеллигенции. Юрий Андреевич сообщил нам, что герой дня обнаружил в себе еще и поэтический дар. Но ему все время мешали приобщиться к нашему коллективу. Как только молодой человек погружался в мягкое кресло, его вызывала новая толпа поклонников. Он двигался словно в тумане. Его лицо выражало и растерянность, и готовность одновременно. Художник, улыбаясь, выходил и растворялся в очередной группе обожателей.

Были еще какие-то незнакомые люди.

Первым выступил редактор литературного альманаха «РЫ», который захотел с нами сотрудничать. Все этим заинтересовались и о Леночке просто забыли. Она иногда пыталась напомнить о себе:

- Я ведь здесь! Когда будете говорить обо мне?

Мы спохватывались и тут же опять забывали про нее. Наконец, нам стало стыдно, наши руки потянулись к текстам. Первое слово никто не хотел брать. Оно досталось мне.

- Стихи без названия я воспринимаю, а вот прозаические произведения в таком виде встречаю впервые. Я так понимаю, это - недоработка автора. - Начала я. - Теперь о содержании...

Я не успела еще сказать, что, как кроссворд, разгадывала компоненты 1, 2, 3, 4, и, напрягая всю свою фантазию, пыталась нарисовать для себя образы героев, о которых идет речь. Лена отважно ринулась в бой. Нет, рукоприкладства, слава Богу, не было! Каждое мое замечание она воспринимала в штыки, отчаянно защищая свое детище. Юрий Андреевич попытался поставить ее на место. Но девушка сражалась отчаянно. После нескольких ее атак мне расхотелось говорить. И, пожав плечами, я закруглилась:

- Не считаю эти работы «Рассказами», это, скорее всего, заготовки к ним. Здесь еще надо много и много трудиться. У меня – все.

Критику Лена воспринимала с трудом. Она практически никому не дала спокойно высказаться, поэтому рецензии были короткими и скомканными.

Затем слово дали гостям, которые на ходу знакомились с «рассказами».

Молодая дама, приехавшая перенять опыт работы нашего литобъединения, от выступления отказалась:

- Я не могу так насоком, мне надо почитать, подумать...

Редактор литературного альманаха «РБ» стал оправдывать применение жаргонизмов в авторской речи, что нас очень удивило.

Самый старший из гостей, которому было на вид далеко за шестьдесят, мирно спал в углу и, когда мы его осторожно разбудили, слегка смутился, но был тут же прощен.

Заключительная речь руководителя семинара Юрия Андреевича содержала в себе легкий юмор. Смех Лены на его добрые напутствия показался нам неестественным, что-то в нем было истеричное.

Наша встреча закончилась позднее обычного. Мы в спешке высыпали на улицу и, замечая редких прохожих, возбужденно договаривали свои мысли.

- Я тоже многое бы мог сказать, да не стал этого делать. Зачем говорить, когда тебя просто не хотят слушать! – Но фраза, брошенная кем-то, повисла в воздухе и оборвалась...

По другой стороне улицы шла Лена. Голова девушки была опущена. И, хотя на улице стояла теплая погода, она неестественно съежилась, закрывая лицо приподнятым воротничком. Мне, да и, наверное, всем остальным, стоящим на остановке, стало очень жаль ее. Разговор уже не клеился. Кто-то поспешил уйти, недосказав свои мысли. Остальные остались молча ждать автобус.

Больше на литературных семинарах Лену мы не видели.

1991г.

Член семьи

Родился он в Липецких лесах. Маленький, колючий, глаза черные. «Гошка» - тут же решил наш сын. На Север Гошка ехал в небольшой железной клетке с приложением: бутылка свежего молока, несколько яблок и сухофрукты. Когда Миша в поезде доставал клетку и начинал кормить ежика, у окружающих теплели глаза, появлялись улыбки.

Я всегда считала, что животные должны обитать в естественных условиях, а в наших городских квартирах им бывает не очень уютно. И как ни просил меня сын и не убеждал муж, я категорически отказывалась заводить кошку или собаку, а вот перед Гошкой не устояла и от этого чувствовала себя неловко. Ночью, слушая, однообразный стук вагонных колес, я думала, каково же сейчас ежику в темноте? Он, наверное, беззвучно плачет от того, что не чувствует вечерней прохлады ароматного луга и не видит перед глазами любимых зеленых берез и кленов... Его пугают странные звуки, которые издает поезд.

Но Гошке пришлось привыкать к нам, а мы старались привыкнуть к нему. Первое время Миша не отходил от ежика. Он пожирал его глазами, когда тот ел и с восторгом бегал за ним по квартире. Как-то сын потерял бдительность, и осмелевший Гошка нырнул в щель, спрятавшись между большим шкафом и стеной комнаты.

- Мама, что делать?

- Не знаю, - растерялась я.

- Гошка, Гошка! - звал сын.

Но, то ли Миша ему изрядно надоел, то ли ему захотелось подшутить над нами, ежик не реагировал. Мы с сыном приуныли. В таком состоянии застал нас Юра, мой муж. Поняв, в чем причина Мишиных слез, он молча ушел на кухню и вынес несколько крохотных кусочков сала. Один из них Юра положил глубоко в щель, другой – на десять сантиметров от него, потом третий, четвертый... Прошло совсем немного времени и мы увидели хитрую острую мордочку. Гошка, конечно, не удостоил нас вниманием, его интересовала еда. Ежик медленно

продвигался от одного кусочка к другому. И пока тот лакомился, Юра закрыл злополучную щель.

По вечерам, беря клетку с Гошкой, мы всей семьей отправлялись на луг за домом. Ежика выпускали на травку. Моей обязанностью было сторожить его. А в это время Юра с Мишей ловили кузнечиков. Гуляющие прохожие с интересом наблюдали, как рослый мужчина с небольшим мальчиком прыгает по лугу, но, узнав причину столь нелепого занятия, иногда присоединялись к ним. Пойманных кузнечиков Юра подносил к Гошкиной мордочке и тот объедался. Ох, как хорошо знал он Юрины прокуренные пальцы, и даже, если в них ничего не было, ежик все равно бежал за ними в предвкушение лакомства. Так постепенно это маленькое существо из далеких Липецких лесов стало равноправным членом нашей семьи.

Однажды, возвращаясь с вечерней смены после двенадцати часов, Юра принес маленького котенка. От его писка я проснулась. У меня все похолодело внутри: вчера – Гошка, сегодня – кошка, завтра – собака, послезавтра – зоопарк! И все это в нашей однокомнатной квартире.

- Что это?

- Котенок.

- Я вижу, что котенок! Откуда он?

- Его кто-то выбросил. Он так пищал! Я не мог пройти мимо, – шепотом, чтобы не разбудить Мишу, оправдывался муж, держа в руках маленький серый комочек.

- И что ты с ним будешь делать?

- Ну, хотя бы накормлю...

Мне, конечно, в такие минуты становится стыдно, что он умеет сострадать, а я, вроде бы, нет. В данном случае он накормит котенка А я потом буду ухаживать за ним всю оставшуюся жизнь! В клетку, как Гошку, его не посадишь. Подкидыш будет спать в Мишиной постели, туалет устраивать, где попало, драть мягкую обивку мебели ... А как его будут любить и жалеть! И, конечно же, мои мужчины, защищая права несмышленища, откроют во мне черты и изверга, и зануды.

Котенок был слепой, еще не умел лакать. И как муж ни старался его накормить, тот пищал все громче. Юра страдал от бессилия, и все это отражалось на его лице. Я наблюдала за усилиями своего мужа со стороны.

Но вот взгляд его сосредоточился, Юра как будто бы что-то вспомнил, он встал, нашел в аптечке пипетку и стал закапывать молоко прямо в рот несмышленищу. Через некоторое время тот успокоился.

Мы с сыном перед сном долго читали, и Миша уснул на диване рядом со мной. Юре пришлось лечь на кресло-кровать. Подкидыша он положил к себе под бок. Все утомонились. Летом на Севере ночи светлые. Я долго не могла уснуть, прислушиваясь к стуку маленьких Гошкиных ножек. На ночь мы его выпускали из клетки, чтобы ежик мог походить по комнате. Он, казалось, был безучастным к тому, что происходило, совершая свою ночную прогулку.

Через некоторое время я проснулась от ужасного писка. Юра, видно боясь раздавить подкидыша, опустил его на пол. А наш баловень Гошка ходил вокруг котенка и безжалостно обкалывал его своими острыми иголками то с одной, то с другой стороны, по-своему выражая гостеприимство. Слепой подкидыш настолько был беспомощным, что даже и не пытался отодвинуться. Я взяла на руки маленький серый комочек, прижала к себе и, когда он успокоился, положила его в теплый Юрин тапок. Стало тихо. Сон сморил меня.

Утром я обо всем рассказала Мише.

- Надо найти ему доброго хозяина! Мы не можем оставить его у себя, они не уживутся с Гошкой. Ну что поищем?

- Хорошо, - согласился сын.

Мы сели с ним за телефон. И нашли! Мишина тетя согласилась приютить у себя подкидыша. В новом доме ему дали имя – Василий. Со временем Василий стал большим и красивым котом, но так и не научился лакать молоко, а сосал его из тонкой соломинки, которую

опускали ему в блюдце. Я не знаю сохранился ли в его в памяти роковой вечер который начался в кустах и закончился знакомством с Гошкой. Но больше их пути не пересекались.

Бизон

Клички бывают разные: обидные, добрые, с некоторым оттенком юмора, интимные ... Александр Борисович, преподаватель школьного педучилища, знал, что студентки между собой зовут его «Бизон». Впервые услышав, как его окрестили веселые девчонки, он непроизвольно примерил на себя образ дикого своенравного зверя: сильное, выносливое животное с могучей грудью и крепкими ногами. Неплохо! И решил - подходит. Александр Борисович чувствовал, что не только зрелым женщинам нравится его рост, широкие плечи, чуть удлиненный нос с небольшой горбинкой, ровные белые зубы и слегка тяжеловатый подбородок, молоденькие девчушки тоже с удовольствием кокетничают с ним. Но их милого заигрывания он старался не замечать, хотя это приятно будоражило воображение. Был строг, требователен, умел держать дистанцию, потому что каждое утро ему приходилось входить в спортивный зал, где его встречали стройные студентки в спортивных шортах и одинаковых футболках - учащиеся физкультурного отделения. Александр Борисович учил их не только вести уроки, но и прыгать, бегать, плавать; при необходимости, страховал, помогая отрабатывать сложные элементы на спортивных снарядах. В окружении жизнерадостных, а иной раз просто бесшабашных, девчонок он не ощущал, что ему уже за сорок, просто был старше, опытнее, сильнее.

Взаимоотношения же с коллегами он выстраивал по другим правилам: это были не простодушные девочки, а женщины с немалым жизненным опытом за плечами, умеющие отстаивать свою точку зрения, знающие себе цену и очень тщательно скрывающие ранимость. И разве что-нибудь сумеешь скрыть от их любопытных глаз? Никогда! Не ладилось у него отношения с женой, давно каждый жил сам по себе, догадывался - знают. При этой мысли как-то ежился, старался держаться обособленно.

Сначала думал, что со временем с Катей все станет на свои места: сын подрастет, жена «кандидатскую» напишет. Умница ведь, ничего не скажешь! И хотя сын - уже выпускник столичного университета, а Екатерина давно «защитилась», ничего не менялось в их жизни: в раковине - посуда горой, постель постоянно не убрана, в прихожей - вся обувь, которая есть в доме. Там - халат, здесь - кофта, чтобы сесть в кресло, надо что-то переложить, отодвинуть. В доме - тесно, неудобно: какое-то нелепое нагромождение мебели... Жена все время куда-то спешит: на него ей никогда не хватает времени... Но Катю очень любили и его отец, и мачеха, Полина Львовна! Попробуй что-то скажи, сразу же наткнешься на полное непонимание: «Не пьет, не курит, не гуляет. У вас сын! Будь терпимее!» Он не один раз пытался раскрыть Екатерине душу. Вроде бы она и смотрит внимательно, но чувствовал: не слышит, взгляд - отсутствующий, вся в каких-то своих мыслях... Его милый Котенок (так он в молодости называл жену) поглядывает виновато своими васильковыми глазами, не кричит, не защищается, и сразу же становится неудобно ее в чем-то обвинять. Так и прошли годы... Был бы у нее любовник, легче было бы расстаться. Но любовника то как раз и не было: одна работа на уме! Сам же Александр Борисович не отказывал себе в приятных связях. Последняя его пассия - Тамара: симпатичная, доброжелательная, неплохая хозяйка! Правда, не очень разговорчивая, зато все «спорилось» в ее руках. Но ее дочь, Женя, открыто выражала свою ревность: не хотела делить мать с чужим мужиком. Работала Тамара мастером на производстве по сменному графику, поэтому у них получалось встречаться так, чтобы не травмировать девочку. Александра Борисовича такое положение вполне устраивало: он цеплялся за свою свободу.

В квартире, которую они получали еще вместе с женой, была у него отдельная комната с диваном, телевизором, кусочком «стенки» ... и независимостью. Хотя что-то угнетающее витало вокруг. Ему все время казалось, что ходит где-то рядом та, единственная и необыкновенная, с которой душа, в конце концов, успокоится!

А вот машину свою он обожал. Это была его личная территория, где он мог на какое-то время расслабиться: послушать музыку, подумать, отключиться от неприятностей. Александр Борисович с любовью ухаживал за ней, и каждый подозрительный звук, исходивший откуда-то изнутри, вызывал тревогу. Ему нравилось ездить, приятно было сливаться воедино со своей серебристой «девяткой». Машина экономила время, а еще (замечал не раз) - поднимала авторитет в глазах «безколесных» коллег и хороших женщин...

Как-то после работы он не поехал домой, а решил навестить родных. Остановился у знакомого подъезда и поднялся на второй этаж. Дверь открыла сестра Света. «Ох, как же я давно не был в этом доме? А когда-то, в детстве, с таким нетерпением спешил сюда!» - молча упрекнул себя Александр Борисович.

- Дядя Саша приехал! - воскликнула племянница Оленька и, чмокнув его в щеку, упорхнула в зал.

- Раздевайся - и к столу! - принимая пакет с фруктами, поторопила сестра.

- У вас что - гости?

- Потом объясню, проходи.

Действительно, за столом сидела незнакомая женщина и молодой человек. Александр Борисович поздоровался, приобнял отца и улыбнулся Полине Львовне.

- Кира Сергеевна, а это мой брат, Саша.

- Александр, - представился он.

- Кира, - ненадолго задержав на нем взгляд, отозвалась женщина.

- Матвей, - кивнул светловолосый парень и продолжил разговор.

- Свое дело в России начать не так-то просто. Налоговая незамедлительно «обложит»! А взятки? И «крыша» немало стоит. Законы всем диктует криминал. Нужны деньги и хорошие связи. Рынок у нас - дикий, непредсказуемый. Задавят!

«Так, папа уже и гостей завел своей любимой темой - экономика и политика в России», -

подумал Александр Борисович, увидев, как отец понимающе закивал головой, слушая молодого человека. Однако, Матвей довольно грамотно излагал сложившуюся

экономическую обстановку в стране. «Серьезный паренек!» - отметил про себя Александр Борисович.

- Ну что это! Все политика да политика? Давайте о чем-то другом, - вмешалась Полина Львовна. - Матвей, как ты проводишь свободное время?

- Если б оно у меня было! - доброжелательно улыбнулся гость. - Работаю, пытаюсь получить второе «высшее». Люблю посидеть у компьютера... Иногда захожу в музей. Я ведь почти вырос там! Все экскурсии мама на мне отработывала: сколько я их выслушал за свою жизнь, - и, повернувшись к матери, с улыбкой продолжил дальше, - знаю многих художников, мне нравится с ними общаться!

- Мой ребенок хочет сказать, что у него совсем нет времени для личной жизни! Кроме работы, учебы и любимой компьютерной «мышки» - ничего интересного для него не существует. Матвей, сознайся, что ты просто живешь для своего удовольствия. Любящая

мама всегда рядом - приготовит, постирает, погладит и не надо напрягаться! - улыбнулась женщина, и ее мимолетный взгляд, обращенный к сыну, тут же осветился

нескрываемой нежностью. Скорее всего, ей самой нравилось быть рядом и обслуживать его.

«Наверное, если бы жива была моя мама, она с такой же любовью смотрела бы на меня! - с завистью подумал Александр Борисович. - Я ведь тоже кое-чего добился в жизни!»

Свою мать он знал только по фотографии: она умерла при родах, и новорожденному Саше ее заменила бабушка. Через некоторое время отец женился. А когда Саше исполнилось пять лет, у него появилась сестра Светлана: маленькая, болезненная, беззащитная.

Мальчик всегда ждал встречи с отцом, как большого праздника. Зная это, бабушка старалась использовать желание внука в своих педагогических целях: «Вот закончишь четверть без троек, проведешь каникулы у отца!». И он старался изо всех сил. Ему хотелось, чтобы папа гордился не только его спортивными успехами.

Дом отца, в основном, держался на Полине Львовне, которая во всем любила порядок.

Худенькая, как тростиночка, Света смотрела на брата огромными доверчивыми глазами. И так

же, как ее мать, старавшаяся никогда не перечить мужу, Светлана беспрекословно подчинялась Саше, когда он гостил у них. Однажды, по его инициативе, они тайно взяли отцовский старенький мотоцикл. Катались, конечно же, не на проезжей части (чтобы никто не увидел), а прыгали на колдобинах и кочках. И все это его сестренка мужественно переносила. В конце концов, не справившись с управлением, он заехал в болото. Стоя по колено в грязи, Светлана вместе с ним из последних сил толкала тяжелую машину. Не ныла, не жаловалась... И отцу не выдала! Постепенно их детская дружба все больше и больше крепла. Он, например, хорошо помнит, как, уже будучи дипломированным специалистом, ждал у двери аудитории, за которой Света писала сочинение, поступая на филологический факультет пединститута. Очень волновался! И все прикидывал, к кому обратится, если она не пройдет по конкурсу... Да много чего было хорошего между ними. А вот личная жизнь у сестры тоже не сложилась: свою дочь Ольгу воспитывала одна.

Гости засобирались домой. Матвей подал матери пальто.

Повернувшись к окну, Александр Борисович увидел, как невысокая женщина держала под руку сына. Они шли не спеша, о чем-то разговаривая. И опять чувство зависти шевельнулось внутри. Наверно, мама так же держала бы его под руку и участливо вникала во все проблемы. Отец не имел возможности уделять ему много времени. Сначала партийная должность, к которой он относился очень ответственно, потом руководство большим хозяйством... С работы приходил поздно. Полина Львовна кормила его ужином и негромко рассказывала о доме и детях. И, если дверь была неплотно прикрыта, Саша, всегда спавший в зале, улавливал долетающие до него из кухни фразы. Он уважал Полину Львовну, но мать она ему не заменила. - Ну и по какому случаю у вас гости? - поинтересовался он у сестры, когда они остались одни. - Компьютер завис. Матвей «чистил» его от вирусов. А ты знаешь, Саша... - пожалала плечами сестра. - Я бы от такого зятя не отказалась: хорош собой, воспитан, не глуп! Посмотри вокруг на молодых людей: мат-перемат, пиво хлебнуть да «побалдеть» - и все интересы. Он иногда заходит в музей, я давно к нему присматриваюсь. Мне так нравятся их отношения с Кирой Сергеевной. Ольге моей уже двадцать первый год, а на уме - одни гулянки. А ее друзья? Только «пальцы гнуть»!

Киру Сергеевну он встретил еще раз и опять - таки у сестры: Матвей знакомил Ольгу с какой-то новой программой. Молодые люди сидели за компьютером в зале, а женщины в кухне пили чай. Александр Борисович подсел к ним и попытался попасть в струю разговора. Сотрудница сестры явно вызывала у него интерес. Хотя внешне ничего особенного в ней не было: пышные седеющие волосы схвачены заколкой, на лице - никакой косметики, одета неброско. Увидел бы на улице - не обернулся. Но Кира Сергеевна относилась к тем женщинам, к которым надо всего лишь присмотреться. В ее плавных движениях было столько очарования и женственности, которые, наверно, невозможно было бы уловить беглым равнодушным взглядом, а немного прищуренные зеленоватые глаза так откровенно выражали: «Говори, говори, но я вижу тебя насквозь...». Хотя это не отталкивало, даже вызывало некое любопытство.

Как и при первой встрече, Кира Сергеевна без особого вдохновения, скорее всего из вежливости, отвечала на его вопросы и, слегка пожимая плечами, давала понять, что не очень расположена к беседе.

Провожать их вышли все. Подошел рейсовый автобус. Женщина прошла в салон и села у окна. Автобус медленно тронулся с места. И вдруг, улыбнувшись, она легонько взмахнула рукой. «Может быть, это мне!», - подумал он, и сразу же стало теплее на душе.

- Как идут дела у Ольги? - поинтересовался Александр Борисович у сестры. - Ты до сих пор спишь и видишь в Матвее своего зятя?

- Чего юродствуешь, - пожалала плечами сестра. - Это ничего не значащие отношения. Я прошу Киру Сергеевну, и она приводит сына. Хотя... у нее тоже есть свой интерес. Лет пять тому назад Матвей не очень удачно женился. Прожили они недолго: девчонка ушла к другому. По ее словам, сын замкнулся, никуда не ходит, и все свободное время посвящает Интернету. Это, конечно же, настораживает Киру Сергеевну. И, как любящая мать, она старается ненавязчиво изменить ситуацию.

- Вы думаете, что Ольга способна оказать ему психологическую помощь!?

- Да где уж! Но я рада их общению. Может, Оля все-таки сумеет сравнить своих так называемых «друзей» и Матвея, чтобы сделать какие-то выводы.

- Или, наоборот, придет к заключению, что у нее очень «продвинутые» друзья! До Матвея ей дорасти еще надо. А те, которые по твоим словам «гнут пальцы» для нее - знакомые, понятные, родные.

- Может и так! Саш, попробуй, пригласи специалиста? Это же все денег стоит! А так у нас взаимовыручка: мама выгуливает Матвея, а мы от вирусов избавляемся. И всем хорошо! - красноречиво пожала плечами Света.

- А отец Матвея кто по специальности?

- Он умер несколько лет тому назад: сердце. Работал, если я не ошибаюсь, в конструкторском бюро.

- И с кем живет твоя Кира Сергеевна?

- Как с кем? С сыном!

- Да ты не поняла, мужчина у нее есть?

- Тебе что, баб мало?

- Да, в общем-то, хватает!

- Тогда чего спрашиваешь? Между прочим, мужского внимания у нас в музее достаточно! Художники, скульпторы, специализированная охрана, посетители, в конце концов...

- Тогда ты - то чего одна?

- Это, Саш, мужики - одноразового пользования! Им «ля-мур» для вдохновения нужен, а не для серьезных отношений.

- У-у-у, как вы о нас, ну никакой романтики! - улыбнулся брат.

- Зато у тебя этой романтики - хоть отбавляй! Еще с Катериной до конца не разобрался, а уже новые и новые отношения строишь...

- Дорогая Светочка, один из мудрейших поэтов изрек: «Не может человек жить в одиночестве. С древнейшими инстинктами в крови, он может жить без и-и-мени, без о-о-тчества, но никогда без ласки и любви!» И я - не могу!

Как-то случайно перелистывая телефонную книгу сестры, Александр Борисович в списке сотрудников музея наткнулся на домашний телефон Киры Сергеевны и записал его. Хотя еще до конца не знал, зачем ему это нужно. Просто записал и все.

Прошло несколько дней. Однажды он набрал ее номер. Трубку снял Матвей.

- Здравствуйте. Да, я узнал вас. Мамы нет дома. Что-нибудь передать?

- Пусть она мне перезвонит, - и продиктовал свой «сотовый».

Первые два дня он, поглядывая на телефон, обдумывал, с чего начнет разговор и что скажет ей. Хотелось быть оригинальным! Потом понял: «Не позвонит!» - и стало немножечко грустно. Хотя где-то еще теплилась мысль: «А, может, Матвей забыл или не передал мою просьбу из каких-то своих соображений!». К концу недели перестал ждать: «Действительно, вокруг столько красивых одиноких женщин, которых только стоит позвать!» И впервые без предварительной договоренности пришел к Тамаре.

Дверь ему открыла ее шестнадцатилетняя дочь Женя и сразу же холодно отрезала: «Кроме меня дома никого нет!»

- Здравствуй, Женя! Мне нужна твоя мама, я подожду.

И перешагнув через порог, снял куртку, сунул ноги в знакомые тапочки и устроился в кресле. Девушка с ехидной полуулыбкой села напротив, давая понять, что ждать они будут вместе.

- Как дела? - спросил он, чтобы оборвать затянувшуюся паузу.

- Нормально!

- Это хорошо, когда дела идут нормально. А вот у меня не всегда так получается. Но это тебе, конечно же, не интересно! А как с уроками. Много задают?

- Много, но справляюсь!

- А мама о своих планах ничего тебе не говорила: после работы она домой должна прийти или ж

Содержание:

От автора_1

Р.И. Куклина_1

Поэтическая мозаика_2

Раздумья

Мы в новый век торжественно вошли
Кровоточат раны на большой планете
У памятника «Воинам локальных войн»
Ветеранам

Уже давно понять пытаюсь я
В библиотеке «Светоч»

Мой родной уголок на планете большой_5

Облака меняют узоры
Птицы звонкие песни заводят с рассвета
Уже ночами обнимает тьма
Сгущается бесшумно тень ночная
Моя «хрушевка»

Снова гнезда покидают птицы
Пишет брат в письме

Сезонные мотивы_8

Я на даче своей
С восторгом ягоды ищу
Холодная осенняя пора
Так безлюдно на даче
На серый лес печально глядя
Падает снег. Куст сирени у дома
Во дворе снегопад
Я знаю, далеко за поворотом

Мысли вслух_11

Все вроде есть!
Не успели вы опомниться
То мечтает, то мучат сомнения
Тихо в доме.
Возможно ли по выгодной цене
Заботами своими жил роддом

Для самых маленьких_14

Я с нетерпеньем ждал рассвет
Воробей: «Чирик, чирик!»
Я очень хочу иметь друга-щенка
Утром мама мне сказала
В руках моих иголка
Для девочки Леры
Загадки Деда Мороза

Проза (рассказы)

Принцессе на горошине-17

Школьный вымогатель _21

Беспощадный критик _25

Член семьи _28

Бизон _30